

Теория по-настоящему возрождается к концу XX века. Хотя и до этого были, конечно, исключения. Например, Вячеслав Всеволодович Иванов. Идеальный языковед — в том смысле, что в его исследовательском распоряжении — до сотни языков. На нескольких он может свободно изъясняться и оперирует фактами из еще нескольких десятков.

Сейчас совсем немного настоящих русистов. Особняком стоит фигура Александра Владимировича Бондарко.

— *От каких опасностей хотели бы Вы предостеречь молодых коллег?*

— От тех же опасностей, что грозили всегда. От замкнутости в своей скорлупе: «Русский язык — так больше ничего и не надо!», а кроме того, от пренебрежения материалом. С развитием компьютерных технологий, с увеличением скорости нашей жизни мы подчас становимся менее требовательны к самим себе. Хочется предостеречь и от самоуспокоенности, самодовольства.

*Интервью записал и подготовил к печати В. В. Хохлаков,
аспирант Института лингвистических исследований РАН,
выпускник филологического факультета
РГПУ им. А. И. Герцена 2007 г.*

Петр Александрович Кудин — доктор искусствоведения, профессор, член Союза архитекторов и Союза художников РФ.

В РГПУ (ЛГПИ) им. А. И. Герцена работает с 1980 г. В 1984—1987 гг. — заведующий кафедрой живописи. В настоящее время профессор кафедры рисунка.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и десятью медалями, в их числе «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Отечественная война 1944—1945» (Болгария). Удостоен нагрудных знаков «Фронтовик 1941—1945», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Научные исследования посвящены теории композиции в изобразительном искусстве.

*П. А. Кудин,
профессор кафедры живописи*

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

В молодые годы я мечтал поступить в Ленинградское художественное (Таврическое) училище. Но мои родственники решили иначе и определили меня в 7-ю специальную артиллерийскую школу, находящуюся на Петроградской стороне. Уже в военном лагере (близ артиллерийского полигона г. Луги) я и встретил начало Великой Отечественной войны. Немецкие войска приближались к Ленинграду, и нас, шестнадцатилетних «артиллеристов», определили вместе с воспитателями детских садов и учителями школ эвакуировать детей из уже почти осажденного города. На Московском вокзале в нашу задачу — молодых людей в военной форме — входило ограждать железнодорожные эшелоны, увозившие детей в эвакуацию, от рыдающих матерей, не желающих расставаться с детьми. Материнские сердца как будто чувствовали, что уже недалеко от города значительная часть эшелонов с детьми будет разбита гитлеровской авиацией, несмотря на охранные международные символы красного креста и полумесяца.

Приближалась холодная и голодная зима 1941—1942 годов. Нашу артиллерийскую школу распустили по домам (до особого распоряжения), так как в свои шестнадцать лет мы еще не могли призываться на фронт, а кормить нас в городе уже было нечем. Так я начал свою трудовую деятельность на оборонном заводе (ныне завод «Алмаз») учеником слесаря-сборщика по изготовлению и ремонту катеров, «израненных» в Балтийском море во время боевых действий.

Завод многократно направлял меня участвовать в ночном патрулировании с оружием по Петроградской стороне, а в начале декабря 1941 и января 1942 года на Серафимовском кладбище я рыл траншеи для захоронения мучеников блокадного Ленинграда. Это было самое тяжелое блокадное время. На перекрестках Петроградской стороны высились горы трупов, извлеченных из квартир, подвалов и с чердаков. Ежедневная кроха хлеба (и больше ничего!) выдавалась в булочных, освещаемых фитилем, плавающим в машинном масле (окна были закрыты фанерными щитами и мешками с песком). В этом полумраке и тесноте у совсем ослабленных взрослых и даже детей, еще способных приносить хлеб для умирающей семьи, обезумевшие от голода люди выхватывали карточки, обрекая семьи на еще более близкий конец. На улицах люди старались не смотреть друг другу в лицо, боясь увидеть остекленевшие глаза — признак последней стадии дистрофии, откуда нет возврата. Этому и многому другому я был очевидцем.

В конце апреля — начале мая 1942 года меня, почти неподвижного, эвакуировали по Ладожскому озеру — Дороге жизни. Автомобили ехали в Кабону по льду, покрытому водой, почти полностью скрывавшей колеса. В эвакуации меня подкормили, и в феврале 1943 года я был призван в действующую армию.

В Кубанских плавнях, откуда я начал свою фронтовую жизнь, уничтожение немецкой группировки заканчивалось, а ее остатки перебрасывались в Крым. Нашу часть стали перебрасывать на эшелонах в южные районы Украины. Ночью на подъезде к городу Изюму наш эшелон был разбит вражеской артиллерией. Оставшихся в живых, раненых и больных (в том числе трясущихся от кубанской малярии) временно расположили близ реки Северский Донец. Поэтому мне не довелось участвовать в форсировании Днепра, после которого от нашего подразделения минометчиков в живых остались считанные единицы.

Успешное форсирование Днепра советскими войсками было большой неожиданностью для немцев, которым ненадолго удалось закрепиться у города Кривой Рог. За успешные бои наша дивизия получила наименование Криворожской, и ей было присвоено звание «Гвардейская». Дальнейшее вражеское отступление продолжалось быстрыми темпами, вплоть до реки Днестр, где противник укрепился до августа 1944 года.

Поздняя зима и ранняя весна в степях Украины — подлинное бедствие, если ты передвигаешься по ее просторам и бездорожью. Соорудить теплые землянки не удавалось из-за постоянных переходов и отсутствия лесоматериалов. Приходилось довольствоваться сушкой обмундирования на своем теле, сидя в окопе рядом с минометом и слушая непрерывный свист холодного степного ветра. Если к этому еще добавить постоянную задержку кухни, увязающей в грязи чернозема, раскисшего и заглубленного танками, то в целом можно составить очень отдаленное представление о так называемых фронтовых буднях, сдобренных бесконечной усталостью и ожиданием начала новых боев.

На Днестре мы все лето ожидали нового наступления. Оно началось 20 августа 1944 года и вошло в историю Великой Отечественной войны как Яссо-Кишиневская операция — одна из самых удачных операций Советской армии, вошедшая в число так называемых 10 сталинских ударов. Операция началась рано утром с мощного артиллерийского наступления. От непрерывной стрельбы наши минометы накалялись так, что приходи-

лось стволы обкладывать влажными тряпками, чтобы не допустить преждевременного выброса мины. Кроме того, после каждого очередного залпа минометный расчет был вынужден уходить на другие позиции, так как на это место вскоре ложились неприятельские снаряды. Известно, что за снайперами и минометчиками неприятель вел настоящую охоту. В Яссо-Кишиневской операции мне довелось участвовать не только как минометчику, но и идти в атаку на немецкие пулеметы вместе с пехотинцами.

Уничтожение огромной немецкой группировки войск открыло 3-му Украинскому фронту путь к освобождению Восточной Европы. А в 1945 году наша армия вернулась из Болгарии на Родину. Началось долгое служение Отечеству (1945—1950) молодых, но хорошо «обстрелянных» солдат.

Бено Израйлович Табачникас — доктор экономических наук, профессор. В РГПУ (ЛГПИ) им. А. И. Герцена работает с 1962 г. С 1993 г. — профессор кафедры прикладной экономики.

Имеет 16 правительственных наград, в том числе ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медали «За отвагу», «За взятие Вены». Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Основная область научных исследований — механизмы управления производством и инновационной деятельностью. Научный руководитель проектов по формированию и реформированию корпоративных структур.

Автор и соавтор 175 публикаций. Подготовил более 50 кандидатов наук.

*Б. И. Табачникас,
профессор кафедры прикладной экономики*

О ПЕРЕЖИТОМ

Я родился в 1924 году в довоенной столице Литвы — Каунасе, в русскоязычной еврейской семье. Отец — уроженец Белоруссии, сын раввина, закончил юридический факультет Петербургского университета, был адвокатом, мать — петербурженка, дочь дантистки и инженера, училась в знаменитой «Екатериненшуле», работала секретарем-машинисткой. В Литву, где жили родственники матери, их забросила война и революция. Сестра была на 7 лет старше меня. Она закончила русскую гимназию и вышла замуж до начала Второй мировой войны.

Дома была отличная библиотека. В детстве я перечитал всю русскую классику, много читал книг советских авторов. Как многие советские одногодки, помнил наизусть «Золотого телят» и «12 стульев» Ильфа и Петрова.

Литва, так же как Латвия и Эстония, была в те годы хрупким государственным образованием, расположенным между фашистской Германией и СССР. Симпатии и надежды просвещенной интеллигенции, особенно еврейского населения, были обращены к Советскому Союзу. В пятнадцатилетнем возрасте я вступил в подпольный комсомол Литвы, распространял антифашистские листовки и в условиях жесткой конспирации читал «Капитал», мало что понимая и не подозревая, что в будущем придется не только изучать, но и преподавать экономическую теорию марксизма.

Характер моего школьного образования определялся во многом меняющейся политической конъюнктурой. Первые три класса я учился в немецкой гимназии, последующие пять лет — в еврейской и закончил литовскую советскую среднюю школу накануне Великой Отечественной войны в июне 1941 года.